

Этапы жизни. Минск - 1992 - 8 марта

Вся жизнь — дебют

*Чтоб с лица прекрасного не спали
мук ее великих отраженья,
медленно она несет по сцене
черт своих трагический букет.*

Райнер Мария Рильке (1907 г.).

В НАЧАЛЕ 1891 года петербургская театральная публика была потрясена игрой неизвестной до того в России итальянской актрисы Элеоноры Дузе. На первом ее выступлении в «Даме с камелиями» зал петербургского Малого театра был почти пуст — результат отсутствия какой бы то ни было рекламы. Уже первые реплики актрисы заставили публику забыть обо всем на свете. Поэзия, ставшая зримой реальностью, совершила чудо — исчез языковой барьер, зрители жили и мучались только страданиями героини пьесы.

На следующий день по городу разнесся слух об артистическом чуде. Итальянка покорила Петербург. Сверх ожидания срок гастролей Дузе был продлен более чем на месяц. Все спектакли оканчивались овациями.

Второго мая 1891 года состоялся дебют Элеоноры Дузе в Москве.

Элеонора Дузе в Москве. В «Русских ведомостях» публикуют рецензию: «Первое же появление г-жи Дузе на московской сцене показало, что в настоящем случае разногласия немыслимы. Пред этим высоким творчеством исчезает разница в темпераментах, в эстетическом чувстве зрителей: все одинаково непреодолимо отдалось чарующей власти гения-художника...».

В конце 1891 года Дузе вторично приезжает в Москву. Публика встречает ее с тем же восторгом и воодушевлением. Гастроли в России стали вехой в ее творчестве, открыли путь к мировому признанию. Вот свидетельство одного из современников:

«...Мы сидели, как зачарованные, боясь вздохнуть, и смотрели на сцену, где стояла одинокая седая женщина. И тут новое озарение гения потрясло театр. Дузе долго стояла неподвижно, растерянно глядя вслед уходящему сыну, прислушиваясь, как замирает вдали смех его друзей. Потом она медленно подняла голову, обратив лицо к небу, воздела руки и улыбнулась! Но какой улыбкой! Есть горе, находящее выход в слезах, более тяжкое изливается в отчаянных, душераздирающих рыданиях и, пожалуй, еще горшее превращает черты лица в угрюмую, железную маску. Но бывает сноровка столь глубокая и необъятная, что она оставляет за своими пределами и слезы, и оцепенение, и находит свое выражение в улыбке. Такова была

улыбка Дузе. Мучительно-трагическая и мучительно-прекрасная. Мы знали, что сердце ее умирает в этот миг в безмолвной боли...

...Зажглись огни. Никто не аплодировал — никто не в силах был поднять рун. Зал плакал. И я плакал тоже, давно оставив попытку сопротивляться душившим меня рыданиям...»

В чем же феномен актрисы, ее уникальность? К сожалению, искусство актера уходит вместе с ним (Элеонора Дузе умерла в 1924 году), и мы, прослеживая ее биографию, перечитывая письма и воспоминания современников, можем лишь предполагать ответ на этот вопрос.

В 1884 году Дузе познакомилась с Арриго Бойто, поэтом и композитором, одним из самых ярких представителей итальянского романтизма, человеком глубочайшей культуры. Стремление к совершенству стало смыслом его жизни. По мнению Бойто, служение искусству — высшее назначение человека. Под влиянием этого человека развивался эстетический вкус Элеоноры Дузе. Он помог ей понять, «как убог мир театра, во всяком случае до тех пор, пока не поднимаешься до последнего круга». Благодаря общению с Бойто актриса, преобразилась духовно: чисто интуитивное начало обогатилось глубиной проникновения в сущность явлений.

В одном из писем Элеоноры Дузе есть такие строки: «Абсолютная необходимость все приносить в дар моему искусству либо исчезнуть абсолютно — это самое абсолютное чувство, которое трепещет во мне и сдерживается лишь моей волей». Она любила искусство и терзалась им, не зная успокоения.

Великая актриса выходила на сцену, движимая непреодолимой потребностью общения с людьми, потребностью сказать нечто важное, волнующее именно ее. И это делало Элеонору Дузе актрисой уникальной, единственной, неповторимой.

Время донесло до нас изображения гениальной актрисы. Перед вами две уникальные фотографии начала века.

«Элеонора Дузе таинственным, непостижимым образом живет даже на своих фотографиях, — пишет американский критик, искусствовед Эдвин Денби. — Эти изображения, взволнованно смотрящие на тебя сегодня, как будто спрашивают о чем-то, понимают тебя, прислушиваются к твоим мыслям...»

Геннадий ШАРЫЙ.

